

НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ORCID: 0000-0002-0883-3133

С. Г. Андреева*

ЯПОНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1880-е гг.: «СОГЛАШЕНИЕ ЛИ – ИТО» 1885 г.

Аннотация: на основании архивных материалов в статье рассматриваются некоторые аспекты японо-китайских отношений в 1880-е гг. на примере Тяньцзиньского договора («Соглашение Ли – Ито») 1885 г., а также приводится анализ значения этого соглашения в контексте последующих событий на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: архивные материалы, дипломатия, международные отношения, Китай, Корея, Япония, Ли Хунчжан, Ито Хиробуми, соглашение Ли – Ито

Svetlana G. Andreeva**

CHINA-JAPAN RELATIONS IN THE 1880s: «LI – ITO CONVENTION» (1885)

Abstract: this article based on the archive materials presents the description of some aspects of political relations between China and Japan in the 1880s through

---

* *Андреева Светлана Геннадиевна*, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), surfgrid-to@list.ru

** *Andreeva Svetlana Gennadyevna*, Ph. D. (History), Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), surfgrid-to@list.ru

© Андреева С. Г., 2022; © ФГБУН ИВ РАН, 2022

the case of 1885 Tianjin Convention, and also provides the analysis of the role and significance of that agreement in the context of the later events in the Far East.

Keywords: archive materials, diplomacy, international relations, China, Korea, Japan, Li Hong-zhang, Ito Hirobumi, 1885 Tianjin Convention

Последняя четверть и, в частности, 80-е гг. XIX в. в странах Дальнего Востока отличаются особой насыщенностью внутри-, внешне- и геополитических событий. Именно в этот период ключевые государства региона, прежде всего Китай и Япония, оказались, так или иначе, в процессе кардинальных перемен, как внутригосударственных, в известном смысле цивилизационных, преобразований, так и различным образом связанных с ними изменений геополитической конфигурации в этой области мира.

Важно отметить, что в обозначенный период в политических отношениях между государствами, осуществлявшими активную деятельность на Дальнем Востоке, присутствовал один существенный элемент – Корея. В силу различных обстоятельств, прежде всего своего географического положения, Корея, сама не являвшаяся самостоятельным игроком, стала тем фактором, который в значительной степени определял характер и в известной мере расстановку сил в регионе.

Очевидно, что свои особые интересы в отношении этого небольшого государства имели, прежде всего, страны, являвшиеся его соседями, – Китай и Россия. С учётом близости территориальной и культурной естественным был и интерес Японии, особенно по мере её усиления и роста экспансионистских настроений. Безусловно, не могли остаться в стороне и ведущие европейские державы, которые вели активную политическую и экономическую деятельность в разных регионах мира и, в частности, на Дальнем Востоке – прежде всего, Англия, а также США, Франция и Германия. Специфика интересов и целей каждого из этих государств способствовали усложнению общего «рисунка» геополитической ситуации в регионе.

Приведём здесь слова одного из известных российских дипломатов, посланника в Японии М. А. Хитрово¹ (14/26 мая 1893 г.):

---

¹ Хитрово Михаил Александрович (1837–1896) – российский дипломат, переводчик, в 1893–1896 гг. – посланник в Японии.

«Корея, конечно, составляет самую слабую и чувствительную струну в политике мира и спокойствия на крайнем Востоке, и в этом вопросе даже ничтожное обстоятельство может вызвать неожиданные по размерам последствия» [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 273, л. 319].

Существенным элементом системы внешнеполитического взаимодействия вокруг Кореи, в конечном итоге во многом определившим её судьбу, были отношения между Китаем и Японией. Необходимо подчеркнуть, что сама обстановка в регионе была довольно неспокойной: постоянно возникали всё новые дестабилизирующие факторы, и «заинтересованным» сторонам приходилось в выстраивании своей линии во внешней политике учитывать потенциальную «дисперсию» факторов влияния и возможных ответных действий со стороны других «игроков».

В упрощённом виде в структуре китайско-японских отношений в связи с «корейским вопросом» в рассматриваемый период можно условно выделить четыре уровня.

1) «Прямые» японо-китайские отношения. Япония, после реставрации Мэйдзи (1868) довольно резко изменившая курс и форму своих внутри- и внешнеполитических действий, по мере углубления реформ демонстрировала рост внешнеполитических амбиций и постепенно активизировалась, стремясь к расширению своего влияния в регионе. С другой стороны, Китай, в известном смысле более «консервативный» в своей основе, с точки зрения экономики, внутренней и внешней политики находился в гораздо более сложном положении. Неурожаи, волнения в народе, давление со стороны западных держав (в частности после заключения Тяньцзиньских договоров 1858 г.) и т. д. – всё это способствовало сохранению практически перманентной напряжённости внутри страны. Значительная протяжённость сухопутных границ, к которым непосредственно приближались европейские державы – Великобритания, Франция, Российская империя, равно как и постоянно возникавшие «проблемы» с более мелкими государственными образованиями, прежде всего на северных и западных границах Цинской империи, также сильно осложняли ситуацию, вынуждая правительство Китая маневрировать в поиске наиболее целесообразного решения.

Таким образом, устанавливая официальные (в европейском понимании) межгосударственные отношения, оба государства преследовали разные цели. Япония стремилась к оформлению и укреплению своих позиций в качестве базы для дальнейших действий и продвижения, в том числе на континенте, в то время как Китай старался в максимально возможной степени поддерживать устойчивость ситуации в регионе. При этом подчеркнём, что Цинская империя в своих действиях, с одной стороны, восприняв европейские понятия и формы международного взаимодействия, параллельно сохраняла и активно применяла и собственные традиционные методы выстраивания отношений с внешним миром. Это проявлялось, в частности, в действиях одной из ключевых фигур в китайской политике того времени – Ли Хунчжана², во внешнеполитических решениях которого, очевидно, просматриваются попытки «лавирировать», сталкивая между собой государства, представлявшие потенциальную опасность для Китая, с целью хоть как-то нейтрализовать эту угрозу и «выровнять» общую ситуацию, давая возможность решать возникающие проблемы постепенно.

Описанные выше особенности внешнеполитической тактики и стратегии обеих стран стали проявляться фактически с начала установления официальных договорных отношений между Японией и Цинской империей и, по мере развития ситуации, прежде всего после включения в контекст японо-китайских отношений «фактора Кореи», только усиливались.

Отметим в этом плане характерную особенность поведения в связи с Кореей Японии (и затем западных держав), заключившей (первой!) соглашение с этой страной (Канхваский договор 1876 г.)³ как с «независимым» государством, что ясно зафиксиро-

---

² Ли Хунчжан (李鴻章, 1823–1901) – один из крупнейших государственных деятелей Цинской империи, занимал в правительстве ряд ключевых постов: государственного канцлера, губернатора столичной провинции Чжили, управляющего корейскими делами и т. д. В последние десятилетия правления цинской династии во многом руководил внешней политикой Китая.

³ «Договор о дружбе» (日朝修好条規 (яп. Ниттё: сю: ко: дзё: ки; кит. Жи-Чжао сюао тяогуи) между Японией и Кореей, или «Канхваский договор» (江華島条約 (яп. Ко: катю: дзё: яку; кит. Цзянхуадао тяюэ) по наименованию места его подписания – корейскому острову Канхвадо 江華島).

ровано в тексте этого документа: требуя от других стран признания за Кореей права самостоятельно действовать на международном уровне, Япония в то же время все связанные с Кореей вопросы решала не столько с правительством этой страны, сколько через Китай. Так, например, при урегулировании конфликта, ставшего поводом для последующего заключения Канхваского договора, соответствующие переговоры Япония вела прежде всего с Китаем⁴. Так, в одной из инструкций японского правительства, в частности, отмечалось: «[...] Сначала необходимо все корейские дела подробно узнать у Китая и попросить его выступить посредником для ведения переговоров. Если китайское правительство на основании наличия [с Кореей] отношений сюзерена и вассала признает вину и заставит Корею принести извинения перед нашей империей, то мы сможем [завершить дело]»⁵ [Цай, 2001, с. 129]. И эта тенденция к решению «корейского вопроса», зачастую «в обход» самой Кореи, сохранялась и в дальнейшем, чем фактически признавалась зависимость её от Китая.

Ситуация осложнялась и двусмысленностью позиции самой Цинской империи, утверждавшей, что «Китай в отношении Кореи хотя и осуществляет возведение в ранг⁶ и контролирует соблюдение календаря, однако вопросы внутренней политики, войны и мира решает сам правитель Кореи и Китай к этому отношения не имеет» (ответное письмо Цзунли-ямэня⁷ на запрос японского посланника, 1873 г.) [Цай, 2001, с. 128]. Таким образом, с одной стороны Цинская империя – сюзерен и покровитель Кореи, отстаивающий своё безусловное право защищать эту страну, а с другой

⁴ И этим Япония формально признавала Корею «вассалом» Цинской империи.

⁵ Здесь и далее по тексту документы и материалы с китайского и японского языков даны в переводе автора.

⁶ В тексте документа использован термин 册封 (*цэ фэн*) – «возведение в ранг, присвоение титула». В отношении стран, которые в китайской внешнеполитической традиции рассматривались как «вассальные» или «даннические», это понятие означает формальную процедуру «интронизации», т. е. «утверждения» главы такого государства на трон. При этом «утверждённый» правитель обычно получал титул *ван* 王.

⁷ Цзунли-ямэнь 總理衙門 «Главное управление»; полное наименование – Цзунли гэ го ши-у ямэнь 總理各國事務衙門, «Главное управление по иностранным делам» – одно из правительственных учреждений империи Цин. Выполнял функции министерства иностранных дел, существовал с 1861 по 1901 г.

– Корея вправе решать свои дела самостоятельно. Это – очевидная для европейской практики международных отношений коллизия, порождаемая расхождением в подходах: «с одной стороны – мировоззрение, базирующееся на европейской системе международного публичного права, а с другой – концепция Поднебесной империи, основанная на системе данничества. Эти подходы различны, и их конфликт неизбежен» [Цай, 2001, с. 134].

Отметим также, что несмотря на существенные внутренние предубеждения и несомненные различия в восприятии ситуации между Японией и Китаем, а также определённое «давление», которое японские послы подчас пытались оказывать в ходе переговоров в Китае, тем не менее можно говорить о том, что на дипломатическом уровне взаимодействие между представителями обеих стран носило вполне конструктивный характер.

Японские дипломаты достаточно высоко и уважительно отзывались о Ли Хунчжане. Например, по словам посланника Созэдзима Танэоми⁸, «Ли Хунчжан – умный и правдивый, управляет твёрдой рукой. Он – самый выдающийся человек в Цинском правительстве. К сожалению, в маньчжурском правительстве [многие его] опасаются, и поэтому у него нет возможности раскрыть свой талант в полной мере» [Цю Фань, 2014, с. 55].

2) Второй уровень в некоторой степени обозначен выше – речь идёт о взглядах и планах Японии в отношении Кореи, а также о форме выстраивания ею с этой страной межгосударственных отношений. Рассматриваемый период характеризуется последовательной активизацией Японии в регионе, постепенным увеличением политического давления на находившиеся в сложной ситуации Китай и Корею. Отметим, что, с одной стороны, Япония, при проведении модернизации ориентируясь на западноевропейские модели, в сфере международных отношений также – когда это было выгодно – поддерживала приоритет общепризнанных правил и процедур, в частности настаивала на восприятии Кореи как независимого государства (что было закреплено в международных

---

⁸ Созэдзима Танэоми (副島種臣, 1828–1905) – японский политический и государственный деятель, дипломат. 3-й министр иностранных дел (1871–1873); 7-й министр внутренних дел (1892).

соглашениях), поскольку это, например, формально уравнивало позиции Японии в Корее с позицией там цинского Китая. В то же время на практике дела, касавшиеся Кореи, велись Японией преимущественно через китайское правительство – тем самым фактически признавалась зависимость Кореи от Китая.

В рассматриваемый период активизация Японии в Корее выражалась, помимо прочего, в различного уровня поддержке при корейском дворе так называемой «партии реформ», представители которой ориентировались на Японию как на образцовое передовое государство, в их противостоянии со сторонниками сохранения сложившихся отношений с Цинской империей, формальным «лидером» которых считалась супруга корейского короля Коджона⁹ королева Мин¹⁰.

3) Особый уровень представляют взаимоотношения между Китаем и Кореей. Китайско-корейские контакты, складывавшиеся и формализовавшиеся на протяжении длительного времени, и в указанный период во многом сохраняли свою исторически сложившуюся специфику – хотя и уже в основном формальные, но типичные для традиционной китайской системы международных связей отношения «сюзерена» и «вассала», основанные на принципах «данничества». При этом необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемый период, несмотря на всё набравшие скорость изменения и осознание необходимости каких-то преобразований, в корейском обществе в целом такая сложившаяся структура отношений с Цинской империей не вызывала особых протестов, а подчас и напротив, рассматривалась как элемент надёжности и стабильности государства.

4) Этот уровень составляли различные, разнонаправленные процессы внутри самой Кореи, которые добавляли элементы сложности в общую геополитическую картину в регионе.

В рамках данной статьи хотелось бы рассмотреть один показательный эпизод взаимоотношений Китая, Японии и Кореи в указанный период, который, на первый взгляд, может казаться незна-

---

⁹ Коджон (高宗, 1852–1919) – король (1863–1897), впоследствии император (1897–1907) Кореи.

¹⁰ Королева Мин (明, 1851–1895) – супруга короля Коджона.

чительным, однако в контексте общей ситуации оказывается существенным, в том числе и как «инструмент», в определённой мере более чётко обозначивший расстановку сил, и как обстоятельство, оказывавшее некоторое влияние на политические события в регионе и в дальнейшем. Речь пойдёт о Тяньцзиньском договоре, заключённом между Китаем и Японией в 1885 г. и известном также как «Соглашение Ли – Ито».

Прежде всего необходимо проанализировать общую ситуацию и обстоятельства, приведшие к появлению указанной договорённости. И сразу же следует обратить внимание на следующую особенность этого соглашения: оно оформлено между двумя государствами – Китаем и Японией – в отношении формально самостоятельной страны – Кореи, которая стороной договора не являлась.

Подчёркнём, что сама ситуация, повлекшая за собой соответствующие шаги в дипломатической сфере, была сформирована различными факторами. А фактическим «триггером» послужили события внутри самой Кореи.

Как уже было отмечено выше, к середине 1880-х годов в Корее фактически сформировалась «партия реформ», открыто ориентировавшаяся на Японию как пример страны, в кратчайший срок добившейся значительных результатов на пути модернизации. Часть молодых корейских аристократов, прежде всего те, кто бывал в Японии с дипломатическими миссиями и мог иметь связи в японских правящих кругах, полагала, что именно Япония «как родственное по культуре соседнее государство, достигшее самых больших в Азии успехов в модернизационной политике» [Тихонов, Кан, 2011, с. 406], является образцом и естественным союзником Кореи в противодействии Китаю. Один из лидеров этих радикалов Ким Ок Кюн¹¹ утверждал, что «лишь следование опыту Японии спасёт Корею от неизбежной для слабого и отсталого азиатского государства колонизации европейцами» [Тихонов, Кан, 2011, с. 407]. Важно учитывать, что в силу ряда обстоятельств это реформаторское движение не получило поддержки «снизу», поскольку не предусматривало решения принципиальных проблем народа, но также практи-

---

¹¹ Ким Ок Кюн (金玉均, 1851–1894) – корейский общественный деятель, сторонник реформ.

чески не породило заинтересованности во властных кругах Кореи и, напротив, было встречено с враждебностью со стороны правящего клана Мин, во многом ориентированного на Китай.

Для общего понимания ситуации важно также учитывать следующие обстоятельства: 1. В 1883 г. Цинская империя вступила в войну с Францией, что с учётом непростого положения внутри страны, а также практически непрерывных внешнеполитических конфликтов и противостояния, в том числе и с Японией, способствовало росту уязвимости Китая. 2. Находившаяся в процессе модернизации Япония уже с 1870-х гг. решалась на открытые (и вполне успешные) дипломатические споры и столкновения (по поводу Тайваня, островов Рюкю и т. д.), постепенно беря курс на подготовку к будущей войне с Китаем. И в этом контексте поддержка корейской оппозиции против Китая была Японии на руку.

В середине 1884 г. вследствие ряда мероприятий, проведённых правящими кругами, в Корее резко ухудшилась экономическая ситуация и, как следствие, возросла социальная напряженность. Корейские реформаторы, принимая во внимание «занятость» Китая военными действиями с Францией, решили воспользоваться случаем и попытаться произвести переворот. При этом Ким Ок Кюну (возможно, решившемуся на открытые действия не без некоторого влияния японцев) удалось привлечь к своему плану японского посланника в Корее Такэдзоэ Синъитиро¹². Сам план предусматривал захват королевского дворца, физическое устранение представителей клана Мин и формирование нового «правительства» для осуществления преобразований. «Активная» часть программы должна была быть реализована при участии нескольких корейских офицеров, прошедших подготовку в Японии, а также солдат охраны японского представительства в Сеуле.

Восставшим удалось ворваться во дворец и установить контроль над королем Коджоном и двором. При этом было убито несколько членов клана Мин и их сторонников. Однако все эти акты политического насилия, причём совершённые при содействии иностранных войск (т. е. японцев), привели к негативному

---

¹² Такэдзоэ Синъитиро (竹添進一郎, 1842–1917) – японский дипломат, китаевед, лауреат премии Японской Академии наук (1914).

результату: практически все чиновники рассматривали действия «реформаторов» как государственную измену. Даже между самими реформаторами не было единства относительно таких мер, а для большинства корейского населения, и без того настроенного анти-японски, они были «предателями».

Вскоре королеве Мин удалось связаться с находившимся в Сеуле китайским охранным отрядом и передать просьбу о помощи, после чего китайские войска во главе с Юань Шикаем¹³ подавили мятеж.

Лидеры переворота во главе с Ким Ок Кюном, а также японский посланник Такэдзоэ, сотрудники дипломатического представительства Японии в Сеуле, а также некоторые японцы, проживавшие в столице Кореи, бежали в Чемульпо, откуда им удалось отплыть в Японию. При этом в ходе погромов в Сеуле пострадали порядка сорока японских подданных.

Потерпев неудачу, японцы тем не менее решили силовыми методами «поддержать свой авторитет» в Корее, направив туда несколько военных судов, на которых для урегулирования ситуации прибыл министр иностранных дел Японии Иноуэ Каору¹⁴.

Китай, опасавшийся открытого военного конфликта ещё и с Японией в дополнение ко всем прочим внешнеполитическим проблемам рекомендовал Корее принять требования Японии. В результате был подписан так называемый Хансонский договор¹⁵, согласно которому Корея обязалась принести письменные извинения Японии «за причинённый ущерб», выплатить большую сумму в качестве компенсации семьям погибших японских подданных и наказать корейцев, принимавших участие в убийстве японских дипломатов. Со своей стороны, Япония отказалась выдать корей-

---

¹³ Юань Шикай (袁世凱, 1859–1916) – один из крупнейших военных, государственных, политических деятелей конца эпохи Цин – начала периода Китайской Республики (1912–1949). С 1885 по 1894 г. занимал должность представителя Китая в Корее.

¹⁴ Иноуэ Каору (井上馨, 1836–1915) – японский государственный деятель, министр иностранных дел (1885–1887), заместитель премьер-министра и министр внутренних дел (1892–1894), министр финансов (1898).

¹⁵ Хансонский договор (漢城條約, от исторического наименования Сеула Хансон 漢城) – заключён между Кореей и Японией после подавления мятежа 4 декабря 1884 г.

ским властям организаторов переговоров, предоставив им политическое убежище.

В этом контексте приведём несколько заслуживающих, по нашему мнению, документов, показывающих восприятие описываемых событий, например, российскими дипломатами.

Весьма примечательный отзыв одного из российских подданных, находившихся на службе в Корее, представлен, в частности, в отчёте А. Н. Шпейера¹⁶ А. П. Давыдову¹⁷ (май 1885 г.). [АВПРИ, Посольство в Токио, оп. 529, д. 595]. Приводя сначала рассуждения на указанную тему советника корейского короля Мёллендорфа¹⁸, в том числе следующие его слова: «Народ не симпатизирует поданным Микадо, даже ненавидит их, и ненависть эта объясняется как историей Кореи, неоднократно подвергавшейся опустошительным набегам японцев, так и вполне бестактными поступками японских дипломатов и их преторианцев в последнее десятилетие. В Корее Япония стремится разыгрывать ту же роль, какую ей пришлось уступить у себя дома европейцам; Корея расплачивается за те страдания, которые терпит самолюбие Японии от бесцеремонного хозяйничанья у неё сброда иностранцев. Китайское правительство также содержит войска в Корее, которую считает в вассальной от себя зависимости, однако народ не только не тяготится этим, но даже гордится зависимостью от Китая, которая до сих пор проявлялась лишь в том, что в трудные минуты корейское правительство всегда находило помощь и поддержку у Богдыханских властей. Китайцы не вмешиваются во внутренние дела страны, предоставляя ей право управляться вполне самостоятельно, стараются быть близко к народу и пользуются в стране

---

¹⁶ Шпейер Алексей Николаевич (1854–1916) – российский дипломат, в 1885 г. – секретарь российского представительства в Японии. Неоднократно выполнял различные дипломатические миссии в Японии, Китае и Корее.

¹⁷ Давыдов Александр Петрович (1838–1885) – российский дипломат, в 1878–1880 гг. – посланник в Болгарии, в 1883–1885 гг. – чрезвычайный посланник и полномочный министр в Японии.

¹⁸ Фон Мёллендорф Пауль Георг (Paul Georg von Möllendorff, 1841–1901) – немецкий востоковед и дипломат. Сотрудник китайской таможни в Шанхае и Ханькоу; немецкий вице-консул в Тяньцзине. По рекомендации Ли Хунчжана отправился в Корею, где в 1882–1885 гг. находился на службе в качестве советника корейского короля Коджона.

самыми широкими симпатиями» [АВПРИ, Посольство в Токио, оп. 529, д. 595, л. 118об-119об], затем высказывается довольно нестандартная точка зрения: «[...] Что же касается до последовавших за выходом из дворца японских войск уличных бесчинств в Сеуле, оскорбления посланника чернью и сожжения японской миссии, то вся тяжесть нравственной ответственности за них ложится, по моему мнению, на Мёллендорфа, который выказал в эту трудную минуту большое малодушие. Он 4-го же декабря вечером пешком бежал в Чемульпо, где переоделся в европейское платье и намеревался даже оставить королевскую службу, будучи уверен в успехе дела заговорщиков. Король остался, таким образом, совершенно один; правительства в день свержения японской партии ещё не было никакого, и никто не мог удержать расходившуюся чернь. Не потеряй Мёллендорф голову, он мог бы даже с теми малыми военными силами, которыми располагает корейское правительство (200 солдат, из коих одна половина обучена японцами, а другая – китайцами), вполне оградить безопасность японской миссии, куда укрылся посланник со свитой» [АВПРИ, Посольство в Токио, оп. 529, д. 595, л. 124–125].

Примечательный факт был также отмечен в инструкции, выданной Давыдовым Шпейеру (19/31 мая 1885 г.): «[...] Мёллендорф сам рассказывал, что обученные китайцами корейцы во время последних беспорядков в Сеуле приняли сторону китайцев и вступили в бой со своими же соотечественниками, обученными японцами» [АВПРИ, Посольство в Токио, оп. 529, д. 595, л. 228].

Упомянутый выше Хансонский договор не стал окончательным решением в рассматриваемой ситуации, так как остались неурегулированными отношения с ещё одной стороной инцидента – Китаем.

В этой связи в правящих кругах Японии существовали две противоположные точки зрения. Одна группа членов японского правительства, которую условно можно именовать «партией войны», состояла преимущественно из высших военных чинов, призывавших воспользоваться благоприятными обстоятельствами и применить против Китая военную силу. Другая часть японских государственных деятелей – «партия мира» – настаивала на необ-

ходимости мирного решения вопроса, хотя возможность использования сложного положения Китая для оказания определённого давления на него дипломатическими средствами не исключалась. Очевидно, существенная доля японских политиков полагала, что ещё не время открыто применять против Китая «дипломатию канонеров», как это было сделано в отношении Кореи, а следовательно, необходимо было действовать дипломатическими методами – путём переговоров. В результате активных совещаний в правительстве Японии последним удалось убедить «сторонников войны» принять свою точку зрения. Итогом стало назначение послом для ведения переговоров с Китаем Ито Хиробуми¹⁹, представлявшего «партию мира». Также по рекомендации самого Ито (возможно, в некоторой степени, чтобы «успокоить» военных) его заместителем был утверждён генерал Сайго Цугумити²⁰. Вот что, в частности, в связи с назначением этих лиц отмечал в своём донесении Ли Хунчжану от 1 марта 1885 г. китайский посланник в Токио Сюй Чэнцзу²¹: «[...] Этот человек (Ито Хиробуми. – С.А.) издавна имеет глубокое понимание того, что общее положение дел в Китае и Японии [непосредственно] связано со стабильностью [ситуации] на Дальнем Востоке. Японское правительство знает его [личные] качества и помыслы, а потому и возлагает на него эти обязанности. Кроме того, из-за опасения, что убедить военных [пересмотреть своё мнение] будет трудно, в качестве сопровождающего посла направляется Сайго Цугумити. Этот человек является генерал-лейтенантом сухопутных войск Японии, и хотя он может говорить, что никогда не упустит выгодного шанса, всё же он в глубине души главным считает сохранение мира [...]» [Ван 1979, с. 263]. И далее посланник Сюй предлагает следующее описание позиции Ито Хиробуми, которая была озвучена последним при личной встрече с китайским дипломатом: «[...] Он просил меня учитывать его давнее убежде-

---

¹⁹ Ито Хиробуми (伊藤博文, 1841–1909) – выдающийся государственный деятель Японии, министр внутренних дел (с 1878 г.), первый (а также пятый, седьмой и десятый) премьер-министр Японии.

²⁰ Сайго Цугумити (西郷從道, 1843–1902) – японский политик, государственный деятель, военный (генерал, адмирал), член кабинета министров.

²¹ Сюй Чэнцзу (徐承祖, 1842–?) – китайский дипломат эпохи Цин. В 1884–1888 гг. – посланник в Токио.

ние в том, что между Китаем и Японией должен быть мир и что полученный им теперь приказ о назначении не означает отказа от этих его первоначальных взглядов. [Также просил] довести до Вашего сведения, что прежде всего необходимо устранить все сомнения, [...] чтобы обеспечить возможность Китаю и Японии [существовать] как единая семья, чтобы люди Запада не осмеливались смотреть [нам] в лицо и чтобы каждая сторона [могла] реализовать свои давние намерения. Далее он сказал: “Пусть даже, к примеру, [имевшее место] в прошлом году в столице Кореи столкновение между войсками обеих сторон [можно] считать незначительным, однако если обе стороны по-прежнему оставят свои войска и они будут одновременно находиться в Корее, то это неизбежно приведёт ко многим инцидентам. Если, допустим, по этой причине между двумя [нашими] сторонами начнутся открытые военные действия, это будет абсолютно напрасно, к тому же стоит опасаться, что [реальную] выгоду из этой ситуации получают русские. В данном случае следует как можно скорее достичь договорённости, чтобы предотвратить это”. Также он заметил: “Несколько лет назад я посетил Англию и Россию, имел несколько глубоких бесед с Цзэн Цзицзэ²². Невзирая на наши частные взгляды, [мы] горячо обсуждали ситуацию в странах Востока и Запада, вновь коснулись вопроса об [островах] Рюкю, при этом наши мнения были в высшей степени сходными». Он также подчеркнул: «У меня нет предвзятого мнения по поводу [отношений] Китая и Японии, мне только хотелось бы, чтобы они действовали едино, чтобы Восток был сильным и процветающим. На это мои надежды” [Ван 1979, с. 263–264].

Что касается позиции Ли Хунчжана в отношении предполагаемых переговоров с Японией, то с учётом продолжавшейся войны с Францией и иных проблем, как на внешнем контуре, так и внутри страны, принимая во внимание отсутствие у Китая в данный момент возможности оказать реальное сопротивление в случае давления со стороны Японии, можно было предполагать, что он

---

²² Цзэн Цзицзэ (曾紀澤, 1839–1890) – китайский дипломат, учёный и литератор, в 1878–1885 гг. – посланник Цинской империи в Великобритании. В отечественной и западной научной литературе известен как «маркиз Цзэн».

будет стремиться к скорейшему мирному урегулированию проблемы, хотя и попытается отстаивать определённые позиции.

В этом контексте стоит упомянуть об одном примечательном событии. 12 марта 1885 г. Ли Хунчжан информировал *Цзунли-ямэнь* о поступлении сообщения следующего содержания: «Получена телеграмма из Шанхая: японский посол Ито, переодевшись, посетил Шанхай, где имел тайную беседу с Патенотром²³. Также получена секретная телеграмма из Парижа: “Японский посланник во Франции ведёт переговоры с французским правительством о заключении франко-японского секретного соглашения о взаимопомощи предполагаемым сроком на десять лет”. Это коварный замысел Японии, следует быть настороже» [Ли Хунчжан, 1985, с. 449]. Практически сразу же было получено опровержение этой информации, однако сам факт возникновения подобных предположений может свидетельствовать о наличии в правящих кругах Цинской империи реальных опасений относительно возможности такого союза, поскольку такое событие с большой долей вероятности обернулось бы для Китая крайне тяжёлыми последствиями.

Отметим, что Ли Хунчжан был заранее информирован о предполагаемой позиции и требованиях со стороны Японии. В частности, 24-го февраля от посланника в Токио Сюй Чэнцзу поступило следующее сообщение: «Сегодня от нашего внештатного агента получено секретное сообщение: японское правительство уже направило сановника Ито и генерала Сайго в Китай для ведения переговоров. Слышал, что [будет предъявлено] несколько требований, хотя основных – два: они хотят, чтобы мы наказали китайских солдат, находившихся в Корее, а также предполагается двусторонний вывод войск. Ито относится к “партии мира”, Сайго принадлежит к “сторонникам войны”, кабинет выступает за мирное решение вопроса. Японское правительство знает об ошибках Такээдзоэ, это не предполагается обсуждать. Чтобы препятствовать бесконечным спорам с армией и флотом, [а также вследствие] колебаний по причине больших расходов, было выбрано два представителя; за отправку Сайго [министры] высказались едино-

---

²³ Патенотр де Нуайе Жюль (Jules Patenôtre des Noyers, 1845–1925) – французский дипломат, с 1883 г. – посланник в Китае.

гласно, так как стремятся тем самым “заставить военных замолчать”» [Ли Хунчжан, 1985, с. 427].

После получения от посланника Сюя сообщения от 1 марта Ли Хунчжан немедленно уведомил Цзунли-ямэнь, полагая, что появился шанс вывести войска из Кореи. В основном его мысль сводилась к следующему: «Войска [генерала У Чан]цина²⁴ в течение трёх лет стоят гарнизоном в Корее. Личный состав испытал многие тяготы, и среди солдат возникают жалобы и ропот. [Поэтому необходимо], немного выждав, производить вывод и замену [гарнизона]. Однако когда служба проходит в отдалённых краях, [возникает] очень много неудобств. В столице Кореи находятся чиновники и торговцы из разных стран, [между ними] много разногласий, а ещё и японцы провоцируют такие споры. Объединить “мягкие” и “жёсткие” средства управления сложно, однако это целесообразно, завоевать [популярность] у людей отнюдь не просто. Если японцы согласятся немедленно вывести свои войска, то тогда и наши войска вполне можно будет временно вывести. С нашей стороны представителем выбран Гу Дэбянь 龔德弁; он направляется в Корею для обучения [войск]. Постепенно будут созданы отборные части, и [мы сможем] обеспечить [надлежащую] защиту. [Посланник] Сюй должен отслеживать ситуацию. Будем действовать своевременно, сообразуясь с обстановкой. И мы по-прежнему можем направить в Корею военный корабль для патрулирования» [Ван 1979, с. 264].

Встреча представителей двух стран для проведения переговоров сопровождалась некоторыми нюансами.

Специальным полномочным министром со стороны Цинской империи был назначен Ли Хунчжан, являвшийся, помимо прочего, управляющим по корейским делам в китайском правительстве. Местом проведения переговоров был, вполне естественно, определён Тяньцзинь, поскольку именно здесь находилась резиденция Ли Хунчжана как наместника столичной провинции Чжили (Чжили цзунду 直隶总督). 14 марта им было отправлено следующее сообщение: «Вчера по телеграфу получен [Высочайший] указ.

---

²⁴ В тексте использован термин *цин цзюнь* 慶軍. Имелась в виду армия генерала У Чанцина 吳長慶, созданная в 1861 г. С 1882 по 1894 г. находилась в Корее.

Я имел честь с ним ознакомиться. Указ [о назначении меня] полномочным представителем официально сообщён Цзунли-ямэнем [посланнику] Эномото²⁵. Эномото принял его при личной встрече; он должен будет подождать, пока Ито приедет в Тяньцзинь, и тогда поставит его в известность. Как правило, вручение официального документа заранее не производится, [но] я намерен оказать послам радушный приём. Слышал, что Ито владеет английским языком. Отправил пятерых придворных переводчиков в порт для изучения обстановки, для обмена приветствиями, а также чтобы сообщить [послам], что, поскольку в настоящее время введены меры обороны, въезд в столицу невозможен, и просить их провести переговоры в Тяньцзине» [Ли Хунчжан, 1985, с. 450].

Японский посол с сопровождающими лицами прибыл в Тяньцзинь на двух военных кораблях 14 марта. 16 марта Ли и Ито встретились на банкете, устроенном по случаю приезда посла в японском консульстве. И здесь Ито сообщил Ли Хунчжану, что, поскольку он является послом первого класса, он обязан прежде всего вручить свои верительные грамоты главе государства, т. е. императору Китая, так как без этого его полномочия не могут быть признаны действительными и, соответственно, возможность проведения переговоров окажется под вопросом. Доводы Ли Хунчжана о том, что им уже получены от правительства все необходимые полномочия, не были приняты. Вот что, в частности, отмечал Ито Хиробуми в своем отчете: «[...] Ли сказал, что император Китая ещё мал и поэтому не может встречать посланников других государств. На это я заметил, что пусть даже император мал и принимать [послов] не может, однако вдовствующая императрица-регентша, которая ведаёт государственными делами, могла бы вместо императора удостоить меня аудиенции. [На это] Ли отвечал: “По обычаям Китая женщины и дети не могут принимать иностранцев, и Ваше превосходительство должны об этом знать”. В ответ я заметил, что обо всех этих обстоятельствах я, безусловно, не могу не знать [и здесь] ничего не подделаешь, но разве я могу забыть

---

²⁵ Эномото Такэаки (榎本武揚; 1836–1908) – японский государственный деятель, дипломат, вице-адмирал, министр флота, министр иностранных дел (1891–1892). В 1882–1885 гг. – полномочный посланник Японии в Цинской империи.

о своих служебных обязанностях, не считаясь с обычной практикой, принятой для послов, оставить без внимания приказ императора [Японии] и пренебречь правилами вежливости и почтения. Если же поездка в столицу для аудиенции не может быть разрешена, то [китайской стороне] обязательно следует представить для этого основания» [Ито, 1942, с. 422]. Эта ситуация была также отражена и в сообщении Ли Хунчжана в *Цзунли-ямэнь* от 17 марта: «[...] 14 марта вечером Ито прибыл в Тяньцзинь. 15 марта Эномото прислал консула, чтобы пригласить на банкет 16 марта вечером. Поскольку это – обязанность, неудобно было отказываться. На банкете я сообщил Ито, что для переговоров ему необходимо остаться в Тяньцзине. Ито отвечал, что он – посол первого класса, он действует от имени государя и обязан вручить верительные грамоты, а потому ему необходимо поехать в столицу, чтобы вручить их лично, после чего можно будет вести переговоры. По дороге он не приветствовал гостей, не обсуждал официальные дела; всё прошло так. Я сказал: “Мною уже получен указ о предоставлении мне всех необходимых полномочий для ведения переговоров с Вами. Ввиду того, что введены меры обороны, въезд в столицу невозможен, и, с учётом обстоятельств, переговоры могут быть проведены только в Тяньцзине”. Ито отвечал, что до личного вручения верительных грамот его статус посла не является признанным и вести переговоры будет затруднительно. После окончания банкета Эномото конфиденциально сообщил, что посол Ито согласно правилам должен поехать в столицу для личного вручения верительных грамот, поэтому он ни в коем случае не может остаться и необходимо подождать, когда он вернётся в Тяньцзинь, чтобы вести переговоры. По моему мнению, Ито выглядит спокойным, но внутри он хитёр и изворотлив. Эномото вновь, пользуясь своим положением, строит планы; надеюсь, *Цзунли-ямэнь*, дождавшись удобного случая, будет действовать осторожно, чтобы дать ответ. Заместитель посла Сайго вчера впервые пришёл с приветствиями, вёл праздную беседу и не касался официального дела. Слышал, что [японских послов] сопровождают около сорока человек (гражданских и военных чинов), в том числе английские офицеры [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 454].

Таким образом, 21-го марта Ито Хиробуми отправился в Пекин, где имел встречу с министрами Цинского двора, поскольку аудиенция у императора ему не была предоставлена. Передав верительные грамоты китайским чиновникам, Ито 31-го марта выехал в Тяньцзинь, получив лишь формальное подтверждение полномочий Ли Хунчжана на участие в переговорах.

Переговоры начались 4 апреля и проходили в несколько раундов до 18-го числа.

Прежде всего, Ито Хиробуми представил концепцию японской стороны касательно событий, имевших место в Корее, и выдвинул соответствующие требования. В частности, в протоколе первого раунда переговоров присутствует следующий текст: «[Ито:] В этот раз [мы собрались] для обсуждения корейского вопроса, в котором можно условно выделить два уровня: первый – вопрос о прошлом, второй – вопрос о будущем. Давайте сначала поговорим о будущем. Наша страна направила войска в Корею для расквартирования. В своё время [в результате известных событий, когда] [корейские] мятежники преследовали нашего посланника Ханабуса Ёсимото²⁶ и сожгли японское посольство, было заключено соглашение о направлении [Японией] своих войск [в Корею] для охраны посольства²⁷. Сначала гарнизон состоял только из двух рот, в каждой роте – по 120 человек; в следующем году одна рота была выведена, и [теперь] осталась лишь

---

²⁶ Ханабуса Ёсимото (花房義實, 1842–1917) – японский дипломат, первый постоянный дипломатический представитель Японии в Корее (с 1879). В 1883–1886 гг. – чрезвычайный и полномочный посол Японии в России.

²⁷ Речь идёт о событиях 1882 г. 23-го июля в корейских войсках начались беспорядки, переросшие в мятеж, в ходе которого восставшие напали на японское представительство в Сеуле. Несколько сотрудников миссии, в том числе японский военный атташе Хоримото Рэйдзо (堀本禮造, 1848–1882), были убиты, другие получили ранения. Здание посольства было сожжено. Посланнику Ханабуса вместе с другими сотрудниками миссии удалось бежать в Чемульпо, откуда они отплыли на небольшом судне и через несколько дней были спасены английским кораблём Flying Fish, который доставил их в Японию. Мятеж в Корее был ликвидирован войсками Китая. Через некоторое время Ханабуса Ёсимото был вновь отправлен в Корею, где под давлением четырёх японских военных кораблей и 1 500 солдат состоялись переговоры с корейским правительством, итогом которых стало подписание 30 августа 1882 г. так называемого Договора Чемульпо (*Саймонто дзэ: яку* 濟物浦條約). Это соглашение, помимо прочего, предусматривало право Японии держать в столице Кореи гарнизон для охраны своего посольства.

одна. У Китая в Корее находится одна тысяча и несколько сотен солдат, что значительно больше, чем у Японии. У каждой стороны есть подозрения и опасения, и [я] боюсь, что в будущем на этой почве [возможна] утрата мира между Китаем и Японией. [Поэтому] самым лучшим было бы, если бы Китай вывел войска, это позволило бы [сохранить] вечный мир и дружбу между [нашими] двумя странами» [Ван 1979, с. 265]. На это Ли Хунчжан, заметив, что если Япония хочет заставить Китай вывести войска, а сама при этом оставляет свой охранный отряд в Корее, то такая постановка вопроса недопустима, заявил: «Китай оставлял свои войска в Корее, и [это] отнюдь не [приводило к] многочисленным инцидентам. Полагаю, Японии это не касается» [Ван 1979, с. 266]. После этого Ито Хиробуми, временно оставив обсуждение первого вопроса, заявил Китаю следующие требования: «Вывод войск, о котором я только что говорил, это дело будущего. Сейчас же есть более насущный вопрос. Прошедшей зимой наш посланник в Корее Такэдзоэ получил от корейского короля послание, [содержавшее] приказ ему явиться для защиты [короля]. После этого войска вашей страны внезапно ворвались извне. Солдаты Такэдзоэ должны были обеспечить защиту внутри дворца, а войска вашей страны неожиданно напали и ворвались [во дворец]. [Они] первыми начали стрелять. Безусловно, это было бесцеремонно. [Поэтому я] вынужден просить обсудить степень виновности ваших солдат и определить для них меру наказания. В следующие несколько дней китайские солдаты в торговых кварталах города ранили и убивали японцев. Это привело к утрате жизней и имущества японских подданных. [Вследствие этого мы] вынуждены просить Китай рассмотреть вопрос о выплате компенсации» [Ван 1979, с. 266].

Последующее обсуждение данного вопроса показало, что у каждой из сторон имеются свои доводы, хотя в целом аргументация Ли Хунчжана выглядела более логичной, последовательной и обоснованной, в том числе с точки зрения международного права. Приведём отдельные выдержки из протокола переговоров: «Ли: Войска, посланные Китаем, находятся в моём подчинении, но я ни в коей мере не собираюсь их покрывать. В то время от каж-

дого гарнизона был получен доклад, а также было отправлено официальное послание королю Кореи [о том, что] наш император вновь посылает двух высокопоставленных сановников – У [Дачэна]²⁸ и Сюй [Чана]²⁹, чтобы они [на месте] выяснили [все] обстоятельства дела, [поэтому] здесь вся ситуация уже давно известна в деталях. Теперь рассмотрим основное содержание присланного по телеграфу из гарнизона отчёта, официального письма корейского короля, а также [результаты] расследования, проведённого сановниками У и Сюем. В этом деле действия посланника Такэдзоэ были слишком опрометчивыми. В чём тут дело? Войска были изначально оставлены для охраны посольства. В то время необходимо было установить, действительно ли в королевском дворце произошёл мятеж, выяснить все подробности дела, и только тогда можно было бы прибегнуть к военной силе. Положим, посланник направил войска для охраны короля. Тогда он должен был действовать исключительно осмотрительно, и прежде всего следовало уведомить Министерство иностранных дел, это совершенно ясно. Ведь это настолько серьёзное дело, как же можно [действовать] так необдуманно и подозрительно?

Ито: В послании короля содержались четыре слова: “японский посланник, приходите, защита”. Действовать [нужно было] поспешно, не было времени уведомить МИД. Поскольку Такэдзоэ находился [непосредственно] в Корее, он должен быть знать, что в стране произошли волнения; в противном случае он бы не согласился так просто отправить войска.

Ли: В конце концов, сколько было мятежников? В каком месте [всё происходило]? Почему же Такэдзоэ всё тщательно не выяснил?

Ито: На самом деле Такэдзоэ не был знаком с ситуацией, [так как к тому моменту] он лишь месяц как прибыл в Корею. Когда же от короля поступила просьба прийти, то, согласно публичному

---

²⁸ У Дачэн (吳大澂, 1835–1902) – китайский политик и государственный деятель эпохи Цин, каллиграф, художник. В 1885–1886 гг. вёл переговоры с Россией по демаркации русско-китайской границы.

²⁹ Сюй Чан (续昌, ?–?) – военный «Истинно белого знамени» (Чжэн бай ци 正白旗, один из высших корпусов Восьмизнамённого маньчжурского войска), политический деятель эпохи Цин.

праву, допускается оказание взаимной помощи, и в этом нет никакого несоответствия, прошу Чжунтана³⁰ оставить всякие сомнения.

Ли: Письмо корейского короля, о котором Вы говорили, было фальсифицировано мятежными сановниками, король не мог иметь таких намерений.

Ито: В дальнейшем ситуация была выяснена, и всё было пересмотрено. Сейчас [понятно], что какими бы ни были слова короля, они не заслуживали доверия. [Но] в момент, когда Такэдзоэ вошёл во дворец, король лично выразил ему благодарность, [он] даже несколько дней прожил во дворце, и король ещё трижды просил [его] остаться.

Ли: Всё это в действительности произошло по причине слабости и нерешительности короля Кореи, это был обман со стороны Ким Ок Кюна и других [мятежников]. Король уже признал, что послание было фальсифицировано; категорически недопустимо, чтобы один человек говорил разное, чтобы «первое» и «последнее» не совпадали. Таким образом, король был предан мятежниками. И Такэдзоэ также оказался ими обманут.

[...]

Ли: [...] Поскольку г-н Ито требует отдать под суд солдат и офицеров нашего гарнизона, нельзя не обсудить во всех деталях причины, вызвавшие эту ситуацию. Наши войска находятся в Корее три года, в настоящее время, поскольку мятежники инициировали беспорядки, было предпринято расследование. После того, как Тэвонгун³¹ был задержан для обеспечения безопасности, также был оставлен военный гарнизон. Это было изначально сделано ради защиты Кореи. В результате инцидента, имевшего место в десятом месяце прошлого года, группа мятежников, воспользовавшись силой японских войск, убила шестерых сановников, [чем] вызвала возмущение и негодование подданных, [которые] один за другим бросились к китайскому охранному отряду с просьбой

---

³⁰ Ли Чжунтан 李中堂 – одно из имён Ли Хунчжана, также использовалось в качестве формы официального обращения к нему.

³¹ Имеется в виду Ли Ха Ын (李夏應, 1820–1898), именуемый по своему титулу Хынсон-тэвонгун 興宣大院君 или просто Тэвонгун 大院君, – корейский принц-регент, отец короля Коджона.

о помощи, поэтому [наши] военные не могли не войти во дворец в целях защиты [короля]. Необходимо признать, что дело обстоит таким образом.

Ито: Если допустить, что японские военные убивали корейских сановников, то следует посмотреть, насколько [мы] понимаем обстановку. Если корейцы имели намерение убить [своих] сановников, то даже и без помощи японских военных [они] могли их убить.

Ли: Корейские мятежники имели намерение убить сановников, [но] не имели для этого [достаточно] сил, поэтому они совершили [эти] убийства во дворце с помощью японских войск. Король Кореи в действительности не желал убийства этих шести сановников.

Ито: Было ли убийство корейцами сановников совершено по желанию корейского короля или нет – узнать невозможно, пожалуй, можно и не спрашивать.

Ли: Г-н Ито хочет возложить ответственность на наши войска, и это нельзя не обсудить более подробно. [Я] не беру на себя смелость утверждать, что Такэдзоэ понимал [реальное] положение дел.

[...]

Ли: [...] Далее, г-н Ито говорит, что японские торговцы были ранены или убиты китайскими солдатами. Такого однозначно не было. Впоследствии корейский король прибыл в наш гарнизон, где находился три дня. Наши солдаты имели исключительное намерение защитить короля, и на самом деле ни один человек не выходил наружу, чтобы устраивать беспорядки. Добавим к этому, что женщины-японки в отчаянии бродили по улицам города, китайские командиры отправили людей, [чтобы] под охраной сопроводить их в Чемульпо. [Из этого] очевидно, что наши военные не имели никаких иных намерений.

Ито: Чжунтан говорит, что [они] охраняли женщин, провожая их в Чемульпо. Это действительно было так, однако есть и другой факт – что китайские солдаты грабили дома японских подданных. Японские подданные, вернувшиеся домой, [говорили], что так всё и было.

Ли: Устав китайских гарнизонов и военные приказы чрезвычайно строгие. Совершенно невозможно, чтобы [они] осмелились

входить в дома японских подданных и устраивать беспорядки. Возможно, это были третьи лица, [выдававшие себя за китайских солдат].

Ито: Китайские солдаты врываются в дома японских подданных и затевают ссоры. Это действительно факт.

Ли: Является ли дело, описанное выше, истиной или ложью, совершенно не установлено точно. У каждой стороны имеются доклады. [Понимание] ситуации во многом различается. [Поэтому] необходимо провести более глубокое исследование» [Ван 1979, с. 266–268].

Таким образом, наиболее интенсивно в ходе переговоров обсуждались два вопроса: о выводе войск обеих сторон из Кореи и о наказании китайских военных / выплате Китаем компенсации пострадавшим японским подданным. Позиция китайского правительства была, в частности, изложена в телеграмме Цзунли-ямэня Ли Хунчжану от 10 апреля: «[Находившийся] в Корее отряд охраны не совершил никаких неправильных действий, поэтому применение наказания, на чём настаивает японский посол, однозначно недопустимо. И японские, и китайские солдаты в равной мере получали ранения и погибали, и здесь нечего обсуждать. Что касается жертв среди торговцев, то в Корею направлено указание рассмотреть возможность оказания [им] материальной помощи, но нельзя потакать чрезмерным требованиям. В этой стране уже несколько лет подряд случаются беспорядки, и подобные денежные средства могут быть переведены из Китая в Корею. Вопрос об отводе войск необходимо обсудить надлежащим образом [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 471].

Существенное место на переговорах отводилось не только точной фиксации позиций обеих сторон по принципиальным вопросам, но и уточнению формулировок положений будущего соглашения.

Так, например, Ли Хунчжану из Цзунли-ямэня 15 апреля была направлена инструкция следующего содержания: «Вывод войск можно допустить, но условие о том, что в будущем войска никогда посылаться не будут, является неприемлемым. Канцлеру необходимо приложить все усилия и отстаивать свои позиции в спорах. В крайнем случае, пожалуй, если в пункт 2, незави-

симо от уже существующих положений, удастся добавить следующую фразу: “Если обе стороны столкнутся с серьёзными беспорядками в Корее, то каждая из них имеет право направить туда войска, предварительно отправив другой стороне соответствующее уведомление, исключая ситуации, предусмотренные предыдущим пунктом», то его тоже можно принять. По 4-му пункту касательно обучения войск также необходимо договориться, что обе стороны в равной мере не будут посылать инструкторов. Это важно [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 479].

Ито Хиробуми в своём отчёте о ходе переговоров, в частности, касательно событий 16 апреля писал: «Ли [Хунчжан] через Ло [Фэнлу]³² передал расписанный по статьям проект соглашения, а также соответствующего заявления. Ознакомившись с документами, [я увидел], что после статьи 1 добавлено [предложение]: “Содержащийся в договоре Японии с Кореей пункт об оставлении [на территории последней] войск в целях охраны посольства следует впоследствии аннулировать”, а в конце статьи 2 добавлена фраза: “В дальнейшем обе стороны в равной мере не могут направлять инструкторов в Корею для обучения войск”, и от меня запрашивают одобрения. Японо-корейское двустороннее соглашение, упомянутое в статье 1, не подлежит обсуждению с Цинской империей, поэтому этот пункт был мной отклонён. Что же касается 2-го пункта, то я его принял, поскольку это совпадает с концепцией первоначально предложенного проекта договора. Через Ло Фэнлу я передал все это Ли [Хунчжану] и запросил его одобрения [...]» [Ито 1942, с. 419].

16-го апреля Ли Хунчжан направил в *Цзунли-ямэнь* следующее сообщение: «15 апреля в результате обсуждения с Ито приняли три пункта.

[...]

Ито также настаивал на двух других пунктах – наказание офицеров охраны и выплата компенсации японским подданным, однако я указал, что в отношении показаний японских подданных отсутствуют доказательства и следует подождать, пока мы проведём рас-

---

³² Ло Фэнлу (羅豐祿; 1850–1901) – китайский дипломат, переводчик; в течение долгого времени являлся личным помощником Ли Хунчжана.

следование для выяснения положения дел. Если будет установлено, что какие-то солдаты охраны действительно убили или ранили японских подданных, то соответствующие показания свидетелей будут служить основанием для применения строгого наказания согласно военному законодательству Китая. Что касается офицеров гарнизона, которые во главе солдат ворвались во дворец, то их действия не были неправильными и обсуждать этот вопрос неуместно. Ито заметил, что взгляды двух сторон не совпадают, в деле возникают серьёзные затруднения, поэтому по данному вопросу следует обратиться к главе какого-либо западного государства, который бы выступил в качестве арбитра. Я ответил, что не следует выдавать незначительное дело за серьёзное. Однако действия офицеров, вступивших в тот момент в сражение с японским отрядом, были опрометчивыми, о чём я, пользуясь нашими дружескими отношениями, и сообщаю в данном документе. Два указанных выше пункта могут быть окончательно сформулированы в направляемой мною официальной ноте. Ито лично допустил возможность действовать таким образом. Если [сделаем] так, то Ито придётся «уйти со сцены», а мы при этом не нарушим этикет. Ориентировочно 18 апреля во второй половине дня мы должны будем совместно подписать соглашение [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 480].

Примечателен также доклад, направленный Ито Хиробуми японскому правительству: «7-го числа я отправился из Нагасаки, миновал Чифу и 14-го числа прибыл в Тяньцзинь, где остановился в нашем консульстве. Здесь я имел встречу с наместником столичной провинции Чжили канцлером Ли Хунчжаном, обменялся с ним приветствиями, 17-го числа выехал из Тяньцзиня и 21-го прибыл в Пекин, где 23-го прежде всего испросил аудиенции у цинского императора. Однако цинский двор мне отказал в этом под тем предлогом, что малолетнему императору не подобает лично встречаться с иностранным подданным.

Затем я представил запрос о возможности проведения переговоров в Пекине, на что от цинского двора был получен ответ, что в силу своей должности пребывающий в Тяньцзине Ли Хунчжан уже назначен полномочным представителем и что было принято решение о проведении переговоров в Тяньцзине. По этой причине

я, удостоверившись в полномочиях Ли Хунчжана, вместе с сопровождающими меня лицами 31-го числа покинул Пекин и 1-го апреля вновь прибыл в Тяньцзинь. 4-го числа я посетил Ли Хунчжана и кратко изложил наши требования. Таким образом, переговоры были начаты.

Тем не менее по содержанию слов, высказанных Ли Хунчжаном в ответ на представленные мною требования о наказании виновных китайских офицеров, выплате компенсации японским подданным и выводе войск обоих государств, у меня не сложилось впечатление, что он готов с ними согласиться. Поэтому 9-го числа я направил министру иностранных дел Иноуэ телеграмму, в которой сообщил, что с учётом изложенных далее обстоятельств можно ожидать затруднений в переговорах.

В ходе прошедших к настоящему моменту трёх раундов переговоров все представленные мною вопросы были в достаточной степени обсуждены, благодаря чему позиции обеих стороны были выяснены. Г-н Ли, видимо, чтобы обосновать собственные рассуждения, выдвигает противоположные мнения и неоднозначные доказательства, однако все они выглядят крайне слабо и с ними трудно согласиться. Вчера вечером я попытался через посланника Эномото разузнать что-либо о намерениях г-на Ли. По-видимому, он продолжает придерживаться своей аргументации, несмотря на её слабость, и ни с одним нашим требованием он не намерен согласиться. Похоже, он готов выполнить только один пункт – о выводе войск.

Завтра состоится очередной раунд переговоров. Тем не менее с учётом вышесказанного, если получится, я попытаюсь представить г-ну Ли и два других пункта – о наказании офицеров и о выплате компенсации японским подданным, поскольку никто кроме него не сможет обеспечить принятие окончательного решения относительно наличия намерения пойти на определённые взаимные уступки. Если же, паче чаяния, усилиями г-на Ли все эти требования будут отклонены, возложенная на меня миссия окажется совершенно напрасной. Прошу представить ваше мнение.

В последнем случае я вынужден буду в возможно кратчайшие сроки покинуть Китай. Очевидно, что описанный выше образ дей-

ствий г-на Ли зависит от того, сможет ли он заключить мирный договор с Францией.

Я всё же надеялся, что в ходе нескольких раундов переговоров по вопросу о выводе войск мне удастся постепенно убедить Ли и в конце концов получить его согласие на то, что находящиеся в Корее войска обеих стран (Японии и Китая) должны быть выведены, а также что если в будущем возникнет необходимость отправки туда войск, обе стороны будут обязаны заблаговременно посредством надлежащего письменного уведомления информировать друг друга о причинах этого. Далее я заявил, что надеюсь на честное и справедливое обсуждение наших требований по двум пунктам – наказание офицеров и выплата компенсации пострадавшим – и если Ли будет упорно всё отклонять, то [можно] предложить обратиться к президенту США как к посреднику. [Я] выразил мнение, что если Ли не сочтёт [предложенное] возможным, то решить это дело между нашими двумя государствами будет невозможно, и если в связи с требованием о выплате компенсации пострадавшим не будет отлагательства, то необходимо будет договориться по поводу назначения строгого наказания цинским солдатам и офицеру, которые убивали и грабили японских подданных. Если же удастся достичь цели, а именно реализации требования о взаимном выводе войск, то это будет означать не что иное, как признание Китаем того факта, что в отношении Кореи Китай и Япония занимают равные позиции.

Более того, если удастся изменить прежний порядок вещей, при котором Корея рассматривается как зависимая территория, то другие вопросы совершенно не требуют особого объяснения далее. В соответствии с пожеланиями Ли, 18-го числа представленные ниже тексты соглашения и соответствующего декларативного документа были согласованы и обе стороны их подписали» [Ито 1942, с. 414-416].

Таким образом, 18 апреля Ли Хунчжан и Ито Хиробуми подписали договор, состоявший из трёх пунктов:

«1. [Настоящим стороны] договариваются о том, что Китай выводит расквартированный в Корее гарнизон, а Япония выводит отряд, находящийся в Корее для охраны посольства. Срок для

вывода войск определён – четыре месяца с момента подписания данного договора. В течение указанного периода войска могут выводиться несколькими партиями, чтобы избежать возникновения дополнительного беспокойства для обеих сторон. Китайские воска будут выводиться из Масанпо³³, японские – из порта Чемульпо.

2. [Обе стороны договорились о том, что] каждая из них имеет право рекомендовать королю Кореи провести обучение войск с тем, чтобы обеспечить самозащиту и поддержание общественного порядка. Также корейский король может по своему выбору пригласить иностранных инструкторов (одного или нескольких) и поручить им дело обучения войск. В дальнейшем ни Китай, ни Япония не будут направлять инструкторов для обучения корейских войск.

3. Если в будущем в Корею произойдут серьёзные беспорядки, то любая из сторон, у которой возникнет необходимость направить туда войска, имеет право это сделать, предварительно уведомив об этом другую сторону, а после урегулирования проблемы эта сторона будет обязана вновь немедленно вывести свои войска; оставлять контингент для охраны не разрешено» [Ван 1979, с. 277-278].

Одновременно было согласовано и подписано обоими полномочными представителями официальное заявление Ли Хунчжана следующего содержания:

«Настоящим сообщаем, что [в ходе] беспорядков в [столице] Кореи Сеуле, имевших место в 10-м месяце прошлого года, столкновения, произошедшие между китайскими и японскими войсками во дворце корейского короля, на самом деле оказались неожиданными для обеих сторон. Я, министр, действительно сожалею об этом.

[Мы] помним, что Япония и Китай давно находятся в дружеских отношениях. Пусть даже китайские войска и поспешили, конфликт возник поневоле, и в результате оказалось невозможно действовать осмотрительно, [хотя им] следовало получить от меня письменное распоряжение. Что касается присланных уважаемым послом многочисленных письменных показаний жён японских под-

---

³³ Масанпо 马山浦 – порт на юге Кореи.

данных, то в них говорится о случаях, когда китайские солдаты врываются в дома, совершали грабежи и убивали людей. Однако Китай не располагает убедительными доказательствами этого. Ввиду этого мною были направлены [компетентные] лица для проведения расследования в целях достижения ясности [в этом деле] и получения свидетельских показаний. Если в то время какие-то офицеры или солдаты гарнизона на самом деле выходили на улицу и устраивали беспорядки, ранили и убивали японских подданных и этому действительно были свидетели, то тогда [эти солдаты и офицеры] будут арестованы и отданы под суд в соответствии с военным законодательством Китая [...]» [Ван 1979, с. 278].

В этом контексте довольно примечательным представляется также текст письма, направленного Ли Хунчжаном королю Кореи 4 мая, т. е. после подписания договора в Тяньцзине: «[...] В ходе беспорядков в королевском дворце в 10-м месяце прошлого года³⁴ изменники, войдя в сговор с иностранцами, проникли во внутренние покои, и Ваше Величество под угрозами мятежников был вынужден покинуть дворец. Но по счастью, в то время [удалось устранить] опасность и [вернуть] мир. Это укрепило авторитет государственной власти в Корее. [И хотя] офицеры и солдаты цинской армии³⁵, отдававшие все силы и не щадившие свои жизни, чтобы прорвать осаду, подавили мятеж и восстановили порядок, для Вашей страны это было нелегко. Ваше Величество, вспоминая пережитые страдания, направил посла в столицу [Китая] для преподнесения благодарственного документа и искреннего выражения своей преданности.

Японские войска, потерпев поражение, отступили в Чемульпо, имея значительное количество убитых и раненых. [После этого] эта страна, маскируя свою неправоту гневом, а также зная, что Китай находится в состоянии войны с Францией, направила в Китай своего посла для переговоров.

Ито и Сайго с сопровождающими вскоре прибыли сюда. Они обладают весьма значительным авторитетом и влиянием,

---

³⁴ Дата указана по традиционному китайскому календарю, соответствует декабрю 1884 г.

³⁵ См. сноску 24.

[а потому] питали чрезмерные надежды. Благодаря моим постоянным наставлениям, основываясь на принципиальной позиции, [удалось] опровергнуть [их доводы], [и они] постепенно отступили. Следует полагать, что это государство (т. е. Япония. – С.А.) не может надеяться завоевать сердца [народа] Вашей страны.

Тем не менее пока два войска находятся близко друг к другу, легко могут возникать конфликты, [поэтому] необходим вывод войск обеими сторонами, после чего дружеские отношения между Китаем и Японией смогут укрепиться и можно [будет обеспечить] стабильность общей ситуации на Дальнем Востоке. Это отвечает нынешнему состоянию дел. Ведь Китай тратит военные силы и средства, в течение длительного времени защищает Ваше государство, чтобы [не допустить] перерастания внешнего вторжения во внутреннюю смуту. Армия генерала У Чанцина в 6-м месяце 1882 г. отправилась на восток, и после устранения мятежа её, в общем-то, можно было вывести, но ввиду того, что японские войска были расквартированы в королевской столице, нельзя было не оставить [наши] войска на время, чтобы [обеспечить] взаимное сдерживание и контроль. И однажды случилось так, что японский посланник во главе солдат охраны посольства вошёл во дворец. Ваше государство заключило новое соглашение с Иноуэ³⁶, [в котором] вновь было заявлено, что [Япония] создаёт гарнизон для охраны посольства и это должно осуществиться в соответствии с дополнительным соглашением 1882 г. И Китай не может оставаться спокойным [...]. Теперь посол Японии выдвинул требование о выводе войск. Этим как раз можно воспользоваться, чтобы заставить их вывести войска, дабы пресечь их планы по вторжению [...]. Вчера подписал с Ито отдельное соглашение, [согласно которому] обе стороны обязались в течение четырёх месяцев вывести войска. Японские войска, не дожидаясь установленного срока, просто вернутся домой. Армия генерала У Чанцина должна дожидаться, пока японские войска уйдут, и также немедленно отправиться домой. Перед самым отъездом Ито я ему с полной откровенностью заявил, что Ваше государство представляет

---

³⁶ Речь идёт о Хансонском договоре, см. выше.

собой защиту и для Китая, и для Кореи, а также является «стержнем» [всего] Дальнего Востока, поэтому категорически нельзя [допускать] разрушения этого защитного [барьера]. Японский посол вполне осознаёт и понимает, [что] в дальнейшем между Японией и Кореей не должно быть моментов, которые [могли бы] приводить к затруднениям. Когда [страна] окружена со всех сторон сильными соседями, постоянно требуется осторожность. Я надеюсь, что Ваше Величество не отзовёт войска для отдыха и комплектования, рассчитывая на то, что всё будет благополучно. Следует укреплять армию и готовиться к войне, а также [необходимо] срочно разработать план по самоусилению. В Корее было обучено пять отрядов. До сих пор Китай и Япония по отдельности направляли инструкторов. Теперь войска обеих стран подлежат выводу, и вслед за ними эти инструктора должны вернуться на родину, чтобы предотвратить появление поводов для конфликтов. Министры нашего правительства, с благоговением размышляя об обеспеченности и заботе [нашего] императора о [судьбе] нашего восточного вассала, предлагают Вашему Величеству два способа решения вопроса: 1. Провести обучение отряда численностью порядка 1 тыс. человек в качестве охраны; возможно приглашение западных [инструкторов] для проведения обучения. 2. В Вашей стране тщательно отобрать офицеров и направить их в Тяньцзинь для прохождения подготовки. Эти два момента поистине требуют срочного [решения]. Я узнал, что Ваша страна уже поручила [своим представителям] заключить договор о предоставлении инструкторов с правительством США. Американцы не имеют намерений захватывать земли или военную власть, по своему характеру они мирные, при этом расходы на приглашение [таких специалистов] будут умеренными, [поэтому] эта идея – действительно подходящая. Я пока не располагаю информацией, удалось ли уже заключить такой договор? Если ещё нет, то следует ещё раз обдумать всё дело. В числе приглашённых мной немецких офицеров довольно много известных квалифицированных [специалистов]. Из них также можно отобрать некоторое количество и направить в Корею. Все расходы по их путешествию, а также на выплату жалования будет нести сама Корея. Необязательно торопиться обучать запад-

ным методам строевой подготовки много гарнизонов. Но [можно] отобрать одну-две сотни способных офицеров, направить их сначала для обучения и прохождения общей подготовки, а после того, как [эти] офицеры овладеют воинским искусством, вновь распределить их по гарнизонам, чтобы они там далее передавали свои знания. Таким образом, постепенно удастся развить и распространить эти навыки. [...] По поводу двух представленных выше вопросов надеюсь вскоре получить от Вас ответ. За последние три года в Вашей стране два раза происходили большие смуты. [Поэтому, чтобы] извлечь уроки из прошлых ошибок и предотвратить беды в будущем, следует обдумать причины, приведшие к беспорядкам, и приложить усилия для устранения опасностей» (цит. по: [Ван 1979, с. 283-284]).

Таким образом, мы видим в некотором смысле парадоксальную ситуацию. По сути, японские дипломатические представители, поддержав представителей корейской оппозиции, приняли непосредственное участие в попытке государственного переворота, направленного против законной власти в Корее. В этом контексте выдвигавшийся Ито Хиробуми в ходе переговоров довод о том, что японский посланник был приглашён самим королём, представляется маловероятным: принимая во внимание общее довольно негативное отношение к японцам в корейском обществе, можно предполагать, что король Кореи вряд ли обратился бы за помощью и защитой к представителям этой страны³⁷. И с этой точки зрения, предложенное Ли Хунчжаном объяснение о том, что, даже если письмо-приглашение имелось на самом деле, то оно было поддельным и японский посланник был обманут корейскими мятежниками, представляется вполне логичным и обоснованным. Мятеж был подавлен благодаря вмешательству китайского гарнизона, который находился в Корее уже в течение нескольких лет, в известном смысле на законных основаниях – по освящённому долгой историей и традицией праву (и «обязанности») Цинской империи как «сюзерена» предоставлять защиту

---

³⁷ Скорее можно допустить, что за защитой король Коджон обратился бы к российскому поверенному в делах в Сеуле К. И. Веберу, с которым у него были установлены достаточно дружеские отношения.

и покровительству своим «вассалам», к которым Корея относилась издавна, и этот статус значительной частью корейского населения не только не оспаривался, но и рассматривался как естественный и в чём-то даже выгодный³⁸. Соответственно, вся ситуация представляла собой пресечение противозаконных агрессивных действий со стороны Японии, и, казалось бы, все претензии в связи с данным инцидентом должны были быть предъявлены Кореей (и формально Китаем) в адрес последней. Тем не менее очевидно, что в то время ни Корея, ни даже Цинская империя не располагали необходимыми ресурсами и возможностями, чтобы на должном уровне противостоять давлению. Методы «дипломатии канонерок» позволили Японии повернуть ситуацию в свою пользу. Заключённое в Тяньцзине соглашение означало формальный отказ Цинской империи от своего преимущественного статуса в Корее и фактическое признание за Японией равных с Китаем прав в отношении этой страны.

Отметим важное обстоятельство, а именно некую «двойственность» итогов Тяньцзиньского договора. С одной стороны, оно действительно на некоторое время обозначило «рамки», в известном смысле сдерживавшие и определявшие действия Китая и Японии в отношении Кореи в частности и в широком смысле в регионе Дальнего Востока. А с другой – это соглашение не стало реальным решением проблем и лишь на весьма непродолжительное время отсрочило неизбежный результат процессов трансформации, так или иначе набиравших силу в указанных странах. Этим результатом стала Китайско-японская война 1894–1895 гг., которая, в свою очередь, стала в определённой степени «триггером» для многих последующих событий на Дальнем Востоке.

С учётом вышесказанного неудивительно, что тема Тяньцзиньского договора неоднократно фигурировала в различных дипломатических документах и так или иначе учитывалась заинтересованными сторонами при выстраивании своего внешнеполитического курса в регионе.

---

³⁸ Кроме того, китайские войска вмешались в ситуацию вследствие обращения представителей корейского двора, что придаёт их действиям официальный характер.

Вот что, например, было отмечено в инструкции, выданной российским правительством поверенному в делах и генеральному консулу в Корее К. И. Веберу³⁹ вскоре после заключения Тяньцзиньского договора (документ от 3 мая 1885 г.): «[...] Кратковременное пребывание г. Шпейера в Корее было весьма полезно для выяснения положения дел в стране этой. Из собранных им сведений оказывается, что последние смуты в Сеуле вызваны были честолюбивыми замыслами японцев и, во всяком случае, японского представителя Такэдзоэ, который, опираясь на немногочисленную партию корейцев, получивших образование в Японии, составил заговор с целью низложить корейского короля и возвести на престол его малолетнего побочного сына, именем которого японская партия управляла бы страной, и что план этот не удался лишь вследствие своевременного вмешательства китайского гарнизона, который, явившись во дворец, вытеснил оттуда заговорщиков.

Согласно тем же сведениям, японцы, благодаря своему бестактному и надменному поведению в Корее, уже издавна возбуждали против себя всеобщую ненависть в местном населении, которое совершенно иначе относится к Китаю. Несмотря на пребывание в Сеуле китайского гарнизона, народ гордится своей зависимостью от правительства Богдыхана, которое, воздерживаясь от вмешательства во внутренние дела страны и предоставляя ей управляться самостоятельно, всегда ограничивалось оказанием ей помощи и поддержки в трудные минуты» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 200, л. 5об-6].

Определённое мнение в связи с данным вопросом было высказано в докладе российского дипломата Н. Ф. Ладыженского⁴⁰ (26 мая 1886 г.): «[...] Сеульское столкновение 1884 г., хотя и разрешилось временным очищением столицы отрядами обоих государств – Китая и Японии, но не изменило общего положения

---

³⁹ Вебер Карл Иванович (1841–1910) – российский дипломат, возглавлял первое российское дипломатическое представительство в Корее (1885–1897).

⁴⁰ Ладыженский Николай Федорович (1852–?) – российский дипломат, в начале 1880-х – делопроизводитель азиатского департамента МИД, затем – 1-й секретарь российской дипломатической миссии в Пекине. С марта по ноябрь 1886 г. исполнял обязанности поверенного в делах России в Китае. В 1885 г. провёл переговоры с Ли Хунчжаном в связи с ситуацией вокруг порта Гамильтон.

и только укрепило в китайцах сознание того, насколько для них важно сохранение и утверждение принадлежащего им в Сеуле влияния. Действуя, как всегда, осторожно и скрытно, но верно, китайцы мало-помалу стремятся захватить в свои руки руководство внутренними и внешними делами Кореи. Со своей стороны Корея, насколько можно судить из Пекина, сознавая свою беспомощность, тем скорее спешит стать под могущественную защиту Китая, что ясно предвидит, что ей не под силу отстаивать свою самостоятельность, которой она, впрочем, по-видимому, ни мало не дорожит, и что ей, во всяком случае, пришлось бы рано или поздно призвать на помощь одного из своих трёх сильных соседей в защиту от посягательств двух других» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 94об-95].

Определённая точка зрения на проблему была высказана также подполковником Генерального штаба Вебелем⁴¹ в отчёте о командировке в Корею в 1889 г.: [...] По поводу этого соглашения позволительно высказать здесь следующее: Конвенцией 1885 г. Ли – Ито, в сущности, достигается уже до некоторой степени то, что для нас желательно, т. е., возможности занятия корейской территории (безразлично, на севере или на юге) китайскими войсками поставлен известный предел; занятие такое обусловлено согласием третьей державы – Японии, и этим уже, само собой, достигается главная цель Тяньцзиньского соглашения. Если же японское и китайское правительства по взаимному соглашению введут свои войска одновременно в Корею, то случай такой совместной оккупации, конечно, не обойдётся без нашего активного участия, и участие это, прежде всего, выразится, вероятно, действиями нашей Тихоокеанской эскадры. Во всех же прочих случаях мы, не будучи связаны никакими соглашениями, сохраняем полную свободу действий, в то время как обе договорившиеся стороны обязаны прежде ещё прийти к обоюдному соглашению» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 214, л. 97-97об].

---

⁴¹ Вебель Фердинанд Маврикиевич (1855–1919) – генерал от инфантерии Русской императорской армии, участник Русско-турецкой войны (1877–1878), Русско-японской войны (1904–1905). С 1885 по 1892 г. служил при штабе Приамурского военного округа.

Любопытно также ознакомиться с мнением японской стороны, высказанным, в частности министром иностранных дел Японии Окума⁴² в личной беседе с российским представителем Шевичем⁴³ (доклад от 26 января / 7 февраля 1889 г.): «[...] граф Окума полагает, что [...] Китай не мог бы прибегнуть по отношению к Корее к каким-либо насильственным мерам без предварительного уведомления об оных японского правительства на основании Тяньцзиньской конвенции». «Понятия Ли Хунчжана о положении Кореи, – продолжил министр иностранных дел, – совершенно ложны и опровергаются уже тем самым фактом, что китайское правительство заключило с нами по этому предмету Конвенцию, содержание которой ясно доказывает, что Корея не принадлежит Китаю. Хотя по смыслу оной сей последний не нуждается в согласии нашем на какие-либо военные действия против корейского короля, но тем не менее статья, которой китайское правительство обязуется заблаговременно уведомить об оных действиях японское правительство, представляет собой явное ограничение права Китая безусловно располагать Кореей. Во всяком случае, мы считаем себя в силу Тяньцзиньской конвенции совершенно равноправными с китайцами на этой почве. Всё, что Китай предпримет в Корее, Япония также вправе предпринять. Вот настоящее объяснение Тяньцзиньской конвенции».

«Конечно, – прибавил граф Окума, – мы далеки от всякой мысли завоевать Корею, точно так же и Россия, я в этом убеждён, не имеет никаких видов на соседний с ней полуостров. Но из этого не следует, однако, чтобы мы имели намерение остаться равнодушными зрителями захвата Кореи Китаем. Существующее ныне status quo необходимо для всех, и в этом отношении интересы Японии тождественны с интересами России. Если Китай захватит Корею, то первый шаг кабинета будет состоять в том, что мы испросим у императора чрезвычайный кредит в 10 млн йен на военные потребности и на укрепление наших западных берегов» [АВПРИ, ф. Миссия в Токио, оп. 529, д. 40, л. 10, 11].

⁴² Окума Сигэнобу (大隈重信, 1838–1922) – японский государственный деятель, 8-й и 17-й премьер-министр, министр иностранных дел.

⁴³ Шевич Дмитрий Егорович (1839–1906) – российский дипломат, посланник России в Японии (1886–1892).

В этом смысле интерес представляет также и мнение китайской стороны, которое, в частности, отражено в сообщении российского посланника в Пекине А. П. Кассини⁴⁴ от 27 декабря 1892 г.: «[...] В 1885 г. между Ли Хунчжаном и бывшим президентом кабинета графом Ито состоялось в Тяньцзине частное соглашение, по которому “Китай и Япония соглашались не посягать на какую бы то ни было часть корейской территории, поддерживать существующий в Корее порядок государственного управления и не вмешиваться в её внутренние дела и в случае нападения на Корею какой-либо третьей державы защищать её даже вооружённой силой”.

Перед отъездом в 1891 г. из Японии бывшего там китайским посланником сына Ли Хунчжана Ли Цзинфана⁴⁵ граф Ито, снова вошедший тогда в силу, пытался оформить прежнее частное соглашение 1885 г., и Ли Цзинфан написал по этому поводу своему отцу и пекинскому правительству, а затем по возвращении в Тяньцзинь лично доложил Ли Хунчжану о своих переговорах с графом Ито.

Ли Хунчжан, однако же, категорически отверг японское предложение, ограничившись заявлением, что прежнее соглашение своё с графом Ито считает остающимся в силе и что он не находит удобным вновь оформлять его из опасения возбудить неудовольствие третьей державы» [АВПРИ, ф. Миссия в Сеуле, оп. 468, д. 364, л. 197об-198об].

Следует отметить, что и действия представителей договаривающихся сторон, и в целом результаты подписания Тяньцзиньского договора оцениваются неоднозначно. Многими, и, прежде всего, в Китае, тактика, которой придерживался Ли Хунчжан в описываемых событиях, рассматривается как ошибочная. В то же время действия Японии, хотя и признаются агрессивными, но в целом оцениваются как позволившие ей в тот момент осуществить ряд своих тактических задач и обеспечить в известной степени основу для реализации в дальнейшем стратегических целей.

---

⁴⁴ Кассини Артур Павлович (1835–1919) – российский дипломат, посланник Российской империи в Китае в 1891–1896 гг.

⁴⁵ Ли Цзинфан (李经方, 1855–1934) – приёмный сын Ли Хунчжана, дипломат, государственный деятель. В 1890–1891 гг. – китайский посланник в Японии. В 1895 г. от имени китайской стороны подписал Симоносекский договор.

В целом отрицательная оценка действий Китая и достигнутых им результатов вследствие подписания Тяньцзиньского договора представлена, например, в работе Лян Цичао⁴⁶ «Ли Хунчжан, или Политическая история Китая за последние сорок лет». Автор, в частности, отмечает: «[...] В самый разгар конфликта с Францией возникло ещё одно дело о нападении на японское посольство в Сеуле. Дело в том, что тут были замешаны китайские и корейские солдаты. Вопрос о полунезависимости или независимости Кореи уже давно был предметом споров и переговоров между двумя державами, Китаем и Японией и до этого момента ещё не был решён. Японцы, пользуясь тем, что у нас и без того много дел, послали маркиза Ито в Тяньцзинь для переговоров. Но как раз в это время французский конфликт закончился подписанием мирного соглашения, и Ли Хунчжан, по природе человек очень самонадеянный, видя, как такая сильная держава, как Франция, сдалась на китайские условия, решил, что с Японией тем менее следует церемониться, и принял явившегося к нему Ито очень надменно» [Лян 1905, с. 172]. «[...] В 11-м году Гуанской (1885 г.) Ли Хунчжан с маркизом Ито Хиробуми заключают в Тяньцзине соглашение, в котором ясно определяют, что на случай каких-либо затруднений в Корею обе стороны, Китай и Япония, обязуются не отправлять в Корею своих войск без предварительного взаимного оповещения об этом. Этим самым Корея ставилась как бы под протекторат двух государств. Получалось действительное положение, совершенно не соответствующее характеру независимого государства и совершенно невозможное для юридической формулировки.

После этого каждое из двух государств было, по своему мнению, право, вступая в пререкания по неясным вопросам и, вслед-

---

⁴⁶ Лян Цичао (梁啟超, 1873–1929) – китайский учёный, философ, литератор, общественный деятель, один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае конца XIX – начала XX в. После поражения движения «Сто дней реформ» в 1898 г. он, в том числе при содействии Ито Хиробуми, бежал в Японию, где оставался длительное время. Вернулся в Китай в 1912 г. (после победы Синьхайской революции). Книга о Ли Хунчжане (*Ли Хунчжан – Чжунго сы-ши нянь лай да ши цзи* 李鴻章—中國四十年來大事記) 1901 г. была издана на русском языке в 1905 г. под названием «Ли Хунчжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет» (более точный перевод заглавия: «Ли Хунчжан – Записки о крупных событиях в Китае за 40 лет». – *Ред.*).

ствие этого, мало-помалу росли надвигавшиеся события... И надо опять повторить, что причиной этому была дипломатическая ошибка Ли Хунчжана. Это был его первый промах на этом поприще» [Лян 1905, с. 141-142]. В этом контексте главной дипломатической ошибкой Ли Хунчжана, по мнению Лян Цичао, состояла в том, что он, стремясь снять с Китая хотя бы часть ответственности за Корею, не только предложил, но и содействовал заключению Кореей договора с иностранными державами. Лян Цичао полагал, что «он (Ли Хунчжан. – С.А.) не совсем ясно представлял себе, что по международному праву, полунезависимое государство не имеет права вступать в дипломатические сношения; он лишь хотел на время сложить с себя дела и легкомысленно дал Корее воспользоваться этим правом. Это и есть то, что оставило в нём навсегда горькое воспоминание. С этого момента все государства во всех сношениях относятся к Корее уже не как к вассалу Китая» [Лян 1905, с. 141]. Таким образом, «недалековидность» Ли Хунчжана, выразившаяся, в частности, в предоставлении Корее определённой свободы действий, в дальнейшем привела к тому, что иностранные государства, пользуясь для обоснования своих претензий международным правом, стали оказывать давление на Китай. «В корейском вопросе Ли Хунчжан сделал немало дипломатических ошибок. Поэтому Тяньцзиньское соглашение привело к Симонсекскому мирному договору» [Лян 1905, с. 173].

Один из китайских исследователей Ван Юньшэн также достаточно негативно оценивает рассматриваемую ситуацию. Он, в частности, подчёркивает, что события, связанные с попыткой двух мятежей и переворотов в Корее (1882 и 1884 г.), закончившиеся военной победой Китая, одновременно обернулись поражением Ли Хунчжана в дипломатической сфере. «[И хотя] Ли Хунчжан в своём докладе писал, что “японцы уже поставлены в [надлежащие] рамки”, но в действительности это была победа японской стороны. Ито Хиробуми не только “выхватил” у Ли Хунчжана из рук дипломатическую победу, но и заставил его испытывать к себе восхищение и уважение. После подписания Тяньцзиньского договора Ли Хунчжан в своём докладе в *Цзунли-ямэнь* отмечал: “Ито действи-

тельно обладает талантом к управлению государством”. Также он писал: “В течение последующих десяти лет мы непременно станем свидетелями развития и усиления Японии. Для Китая это проблема будущего, но пока [мы] не оказались к ней лицом к лицу, было бы хорошо, [если бы] находящиеся у власти государственные деятели, пока ещё не поздно, обратили на это внимание”. И в самом деле, не пройдёт и десяти лет, как разразится Японо-китайская война 1894–1895 гг., Ли и Ито вновь встретятся в Симоносеки и Ли Хунчжан превратится в побеждённого, вынужденного сдаться и выплатить компенсацию». [Ван 1979, с. 282].

Современный китайский исследователь Цю Фань, проводя в своей работе анализ достаточно широкого спектра факторов, в целом склоняется к тому, что действия Ли Хунчжана, по-видимому, были оправданы, по крайней мере с его собственной точки зрения, поскольку все они в совокупности должны были обеспечить реализацию Китаем определённых целей. По мнению Цю Фаня, Ли Хунчжан и Ито Хиробуми, выстраивая свою дипломатическую линию, стремились каждый к решению двух основных задач. Первый: 1. Поддержание мира и стабильности в восточной Азии, обеспечения внешних условий для успешной реализации реформ [в целях] модернизации Китая. 2. Защита Кореи Цинской империей как «покровителем». Второй: 1. Создание спокойных внешних условий для упорядочивания внутривосточных дел в Японии. 2. Предотвращение роста влияния и захвата Кореи Россией [Цю Фань, 2014, с. 67].

В целом, как представляется, оценивать политические действия Ли Хунчжана в описываемое время по-настоящему негативно вряд ли корректно. Некоторые из предпринятых им шагов могли впоследствии проявиться как дипломатические промахи, однако, несомненно, все они были продиктованы, прежде всего, единым внешнеполитическим курсом. Ли Хунчжан, будучи вынужден действовать под давлением обстоятельств и находить не самые стандартные решения, тем не менее шёл к реализации общего стратегического плана, конечной целью которого было создание условий для развития, модернизации Китая, для чего, помимо прочего, было необходимо обеспечить стабиль-

ность на внешнем контуре. Несомненно, он ясно видел усиление различных игроков на Дальнем Востоке, сопровождавшееся разбалансированностью и ростом общей напряжённости в регионе. Слова, приведённые им в письме к королю Кореи и касавшиеся необходимости укреплять армию и готовиться к войне, на самом деле вполне отражают его собственный взгляд на ситуацию. И естественно, что одной из главных целей и заслуг Ли Хунчжана явилось создание китайского флота и определённое усиление по крайней мере некоторой части армии. Именно те войска, которые были подготовлены по инициативе Ли Хунчжана, во время Китайско-японской войны 1894–1895 гг. проявили себя наиболее хорошо. Очевидно, он в целом правильно оценивал общую ситуацию в дальневосточном регионе, видел тенденции к росту напряжённости и понимал неизбежность войны. Поэтому в середине 80-х гг., когда Китай оказался в сложных, многоаспектных внешнеполитических обстоятельствах (практически одновременно происходили Франко-китайская война, беспорядки в Корее, приведшие к обострению отношений с Японией, проблема вокруг порта Гамильтон, выразившаяся для Китая в необходимости искать средства, чтобы не допустить конфликтов с Англией и Россией, и т. д.), Ли Хунчжан доступными ему средствами, действуя, прежде всего, в рамках традиционной китайской дипломатии, стремился «лавирировать» между всеми потенциальными противниками, пытаясь дипломатическими средствами «нейтрализовать» их, чтобы обеспечить стабильность, необходимую для проведения преобразований внутри страны. Таким образом, заключение Тяньцзиньского договора вряд ли можно считать полной неудачей Ли Хунчжана, ведь это соглашение отсрочило войну с Японией и на некоторое время обеспечило относительную стабильность в регионе. И здесь стоит привести слова Ито Хиробуми, сказанные им после проведённых переговоров: «После того, как нынешнее дело с Францией (имеется в виду Франко-китайская война. – С.А.) будет завершено, [Китай], по-видимому, будет воодушевлён и энергичен, но через год-два вернётся к прежнему образу действий, [направленных на то, чтобы] любой ценой сохранять спокойствие и стабильность» [Ван 1979, с. 282].

Сокращения

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

Источники и литература

1. Ван 1979 – *Ван Юньшэн* 王芸生. Люшинянь лай Чжунго юй Жибэнь 六十年来中国与日本 (Китай и Япония за 60 лет). Пекин: Саньяньшэ шудянь 三联书店, 1979.
2. Ито 1942 – Ито: Хиробуми дэн 伊藤博文傳 (Биография Ито Хиробуми). Т. 2. Токио: То: сё: ся 続正社, 1942.
3. Ли Хунчжан, 1985 – Ли Хунчжан цюаньцзи 李鴻章全集 (Полное собрание [документов и сочинений] Ли Хунчжана). Т. 1. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ 人民出版社, 1985.
4. Лян 1905 – *Лян Цичао*. Лихунчжан, или Политическая история Китая за последние 40 лет (пер. А. Н. Вознесенского). СПб: В. Березовский, 1905.
5. Тихонов, Кан, 2011 – *Тихонов В. М., Кан Мангиль*. История Кореи. Т. 1. С древнейших времён до 1904 года. М.: Восточная книга, 2011.
6. Цай, 2001 – *Цай Дунцзе* 蔡東杰. Ли Хунчжан юй Цинцзи Чжунго вайцзяо 李鴻章與清季中國外交 (Ли Хунчжан и китайская дипломатия конца эпохи Цин). Тайбэй: Вэньцзинь чубаньшэ 文津出版社, 2001.
7. Цю Фань, 2014 – *Цю Фань* 邱帆. Ри Ко: сё: го Ито: Хиробуми то но кодзин канкэй но сэйрицу 李鴻章と伊藤博文との個人関係の成立 (Формирование личных взаимоотношений между Ли Хунчжаном и Ито Хиробуми). Бунгаку кэнкю: рон сю: 文学研究論集 (Сборник статей по литературным исследованиям). 2014, № 41. С. 51–68 Сайт университета Мэйдзи. URL: <https://m-repo.lib.meiji.ac.jp/dspace/handle/10291/16997> (дата обращения 28.12.2021).